НОВЫЙ ЖУРНАЛ

«Пунушка» — так назвали первый детский журнал в нашем Ненецком округе. Возник он по завету поэта Прокопия Андреевича Явтысого.

На ненецком и русском языке «Пунушка» расскажет о новостях ненецкой культуры, разные истории, сказки, — вы узнаете много интересного.

Пуночка или снежный подорожник — первый вестник приближающейся весны на Севере. Еще дует пурга, всюду снег, а около жилья человека появляются вестники тепла. В Нарьян-Маре они пролетают обычно в конце апреля. Всего несколько дней можно видеть стайки белых веселых птичек.

Стайки птичек отправляются дальше на Север. Гнездятся они в каменистой сухой тундре, изрезанной долинами рек, или же у домов.

Пуночек видели даже на Северном полюсе. Конечно, репортажи с полюса едва ли будут, но о традициях нашей древней земли и о жизни на ней мы поведаем на страницах журнала, и он будет приходить к своим читателям, как пролетают пуночки — опять и снова...

Приглашаем к сотрудничеству работников культуры, преподавателей ненецкого языка, студентов и школьников, — всех носителей ненецкой культуры. Ведь цель издания журнала — стимулирование творчества детей и взрослых. И вы увидите свои заметки, рассказы, фотографии, стихи на этих страницах!

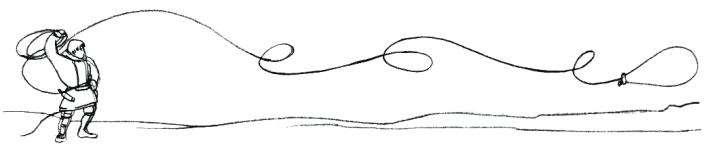
Содержание:

Р.И. Канюкова. Дни культуры НАО в Санкт-Петербурге 3
Александр Канюков. Невеста Сядота 8
Маша Артеева. Оленевод Вара 11
Ольга Пашун. Джек 12
Валентина Тайбарей, Мария Валей. Стихи про тундру 16
Лукерия Валей. Стихи и проза 17
Алексей Пичков. Классика 20
Ненецкие куклы ӈухуко 22

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ 23

Василий Ледков. О ненецком языке 26
Александр Канюков. В гостях у Тыко Вылки 27
Кристина Фролова. Рассказ маленького Яхо 29
Валентина Чибичик. Стихи 30
Растения тундры 31

Сохраняем традиции 32



Дни культуры НАО в Санкт-Петербурге

В Российском этнографическом музее, апрель 2007: Матрена Ивановна Талеева, Серафима Петровна Дуркина и Мария Яковлевна Бармич
Филипп Никитич Ардеев в костюме шамана.
Народный ненецкий молодежный ансамбль «Хаяр».

Петербургские дни...

Роза Ивановна Канюкова, ведущий методист отдела ненецкой культуры ОГУ «ЭКЦ НАО»

В период проведения Дней культуры НАО в Санкт-Петербурге нам, работникам ОГУ «ЭКЦ НАО» и мастерам декоративно-прикладного творчества, посчастливилось представить ненецкую культуру. В центре величественного мраморного зала Российского этнографического музея (РЭМ), словно пирамида, возвышался зимний чум. Слева и справа размещены экспонаты Ненецкого окружного краеведческого музея, Экспоцентра, Этно-культурного центра и Ненецкой школы-интерната им А.П. Пырерки, на втором этаже — фотографии и картины, представленные ОГУ «Выставочный зал».

У входа в мраморный зал «приглашала» на выставку двухметровая афиша.

Официальное торжество, вход строго по пригласительным билетам. С восторгом воспринимаются и баннер с оленьей упряжкой, и флаги НАО и Санкт-Петербурга, и большие экраны проекторов, показывающие жизнь округа, и строго оформленная сцена, словно трибуна, на которой прозвучат пламенные речи, и подпишется представителями двух сторон Договор о сотрудничестве, и где покажут свою программу народный ансамбль «Маймбава» под руководством Т.И. Канюковой — Заслуженного работника культуры РФ, и обновленный состав молодежного ансамбля «Хаяр» под руководством Г.В. Шелыгинской. Экстравагантные изделия из меха продемонстрирует со своими ученицами дизайнер Л.Г. Кустышева из НШИ.

Самой многолюдной по посещаемости оказалась выставка работ мастеров народных промыслов и художественных ремесел, а также коллекции игрушек из сукна, меха, рога оленя и лося и мюд-аргиш.

Первым из земляков на выставку пришел Александр, брат Кима Мартюшевского с невесткой, приехавшей из Сыктывкара. Тут же нахлынули воспоминания о жизни в Нарьян-Маре. Воспоминаниями о Нарьян-Маре и тундре делились бывшие работники авиаотряда, пожилые степенные посетители этнографической площадки, ленинградские харутинцы, нарьянмарцы и индижанцы. Были и те, чья судьба связана с другой северной стороной, а не с нашим округом.

В первую очередь всех привлекал чум. Заходили с осторожностью, а выходили, довольные информацией Анастасии-хозяюшки чума. Дети, побывав в чуме, заходили туда еще несколько раз и играли на шкурах, а отдельные молодые люди, сидя по-турецки, медитировали.

Но больше всех любопытных скапливалось у

стола Ф.Н. Ардеева и Е.Н. Бобриковой, которые рассказывали о своих экспонатах и их применении. Конечно же, привлекал посетителей этнографической площадки бубен. Каждому хотелось потрогать его и «пошаманить», а звук бубна Ардеева был приятным на слух, словно мелодия поющего необычным грудным голосом. Из экспонатов Бобриковой особое внимание привлекали колокола и колокольчики на одежде и аксессуарах, которых не оказалось даже в этнографических музеях Санкт-Петербурга и Москвы. Посмотрев экспозиции нашей этнографической площадки, работники РЭМа сделали вывод, что их музейные экспонаты необходимо обновлять. Первый заказ округу уже поступил: сшить канинскую летнюю паницу, которой в РЭМе не оказалось. Обновлению подлежат и другие экспонаты этнографического музея северной столицы нашей Родины.

Особым вниманием пользовались изделия Н.Е. Латышевой. Экспонаты ее экспозиции «Мир кукол Канина»: юноша и девушка в канинском наряде, трио в малицах, уко-семья, словно ожили и приехали в гости в Санкт-Петербург.

Украшением этновыставки оказались бесценные семейные реликвии, представленные Е.Н. Ардеевой, директором Малоземельского ЭКЦ, и Л.Е. Канюковой, сотрудницей Экспоцентра г. Нарьян-Мара, а также работы мастерицы-художницы Л.М. Выучейской п. Нельмин-Нос.

Изделиями мастеров округа любовались и студенты, и туристы, и работники культуры, и те, кто заинтересовался Северным краем или работал там, и случайные посетители.

На Дни культуры НАО в Российском этнографическом музее людей привлекла реклама. Кто-то узнал об этом событии по расклеенным афишам, кто-то по рекламе газеты «Аргументы и факты», а большинство — по информации телеканалов.

Студенты Института народов Севера знали о нашем прибытии раньше всех от родственников и знакомых, проживающих в Нарьян-Маре.

Со своим преподавателем М.Я. Бармич, профессором, они тепло встретили от имени студенческого общества «Нятва» плакатами: «Сидда" ӈатева"! (Мы ждем вас!), «Приветствуем вас, земляки» и «Мы рады вас видеть!» При содействии Марии Яковлевны в центре мраморного зала РЭМ был установлен великолепный чум А.Н. Матяшкина.

Корреспонденты газет, телевизионщики снимали на фото,- видеокамеры наши костюмы и выставочные экспонаты до мельчайших деталей, задавали множество вопросов. Поэтому к концу рабочего дня у нас высыхало во рту и хотелось отдохнуть от ораторства. Больше по-

сетителей оказалось в воскресенье. По моим представлениям студенческих лет, в воскресенье ленинградцы ездят отдыхать за город, и мы должны бы немного разгрузиться, но не тут-то было, — взрослые приходили с детьми, и их было много.

Рассматривая чум, посетители интересовались, как спасались люди от дождя, как удерживается тепло, чем подметали половые латы, что и для чего сушится на шестах. Им объясняли и демонстрировали. С нашего разрешения примеряли одежду, головные уборы. Многие из посетителей любовались северными сувенирами, желали приобрести, в основном, ненецкие куклы «уко», нарточки, сумочки-падко. Одна из посетительниц удивила нас, попросив кусочек ягеля. Оказалось, сорок лет тому назад она работала в Хальмер-Ю, Воркуте и даже была в Нарьян-Маре. Ее желание было выполнено.

А юный петербургский дошколенок Ваня, в слезах просивший сумочку, отошел, лишь получив красиво оформленный хвостик олененка.

Посетителей выставки интересовало, как олень добывает себе корм зимой, и наш рассказ сопровождался последовательным показом. Композицию «Тундра» мы расположили на белом синтипоне, напоминающем мягкий снег. Ягель, который находился на краю композиции, покрывали слоем «снега», и постепенно оголяли его копытцем. Посетителей это удивляло. Удивляло и то, что копытца можно использовать как музыкальный инструмент, слушали исполнение ненецких песен под аккомпанимент «копытц».

Отдельное место было отведено изделиям и украшениям праздничной упряжки оленей: на столе — попоны «ной ё"ня"», которыми украшали спины оленей, колокол с шейным ремнем, а на скамейке — украшения для головы оленя и бахрома для нарт и всё — в натуральную величину.

Не прошли мимо этнографической площадки НАО и иностранные гости и туристы. Мы беседовали с посетителями выставки из Франции, Америки, Японии, Китая, Германии и других стран (сбились со счета). Этих посетителей интересовала материальная культура ненецкого народа. У некоторых иностранцев чум ассоциировался с Сибирью. Увидев чум, они говорили «Сибирь, Сибирь». Это понятно, ведь информацию о Сибири и народах, населяющих его, они получили из публикаций ученых Финляндии, Голландии, Венгрии… Японских и китайских посетителей выставки затронули бубны, американцев — мужские пояса, украшенные рубежами-сярся" из меди и кости, немецких посетителей — куклы «уко» и аргиш-мюд.

Ни один посетитель этнографической площадки НАО, устроенной в Российском этнографическом музее, не прошел равнодушно мимо нашей экспозиции, а Ирина, корреспондентка одной из питерской газеты «Вольный остров», в восхищении воскликнула

«Берегите свою культуру!».

ПЕТЕРБУРГАН’ ЭДАЛЁР”МАВА”

Апрель’ хасуюдимдейяӈгня толыркана маня” округхадна” матъю” хибяриӈэ Санкт-Петербурган’ манзадаваць. Таняна Ненэции округна’ ялу мэ”манзь хаяваць, ненэциена” ил’ нямна ӈэда выставка сертаваць. Выставкына” Российской этнографической музейхана ӈэда мраморной залхана ваераць.

Няхар” яля’ ямбан ӈока хибяри вэрдё тюӈгась, вэрдё нита пумна тарпорӈась. Хусувэдо’ сырцеты, ня”амторцеты, сидна” юндалтамбасеты. Маня” ӈань хэтнасетыва”, нянандо’ лаханорцетыва”.

Сямянхат нюртейхава мят’ тюсьты”. Мякана мэна Наста мята мюй тер, ӈавори манэ”лабтамбасеты, ненэцие” вато”омна ханзер” иле тара вадецеты. Инзеленит ӈопой вадаридо’: «Няна” саваню, няна” ибаню!» Валкад ханяӈыдо’ ю”марцеты”: «Сарё’ мальӈгана мякана мэна ни санеӈг?» Настако не тюсер” нямна лахана пясьты. Пысамбадахава ӈока ӈэсеты. Латандом’ мэта нем’ манэкава писерабтёсеты, ванерабтёсеты. Ӈу’ ниня тыранана тэнаком’ манэць, ӈань юндалтаӈго пясьты. Ва”авхавана ӈамдёсеты, харценасеты, Ханяӈы” ӈацекэцяе” халцэнасеты”. Хибя ханзер” мян”ӈа ныланасеты. Тарпбэй ниня манорпэяд нисянато’, небяното’ ӈудахат мят’ ладарцеты”. Ӈани ханяӈыд мят’ мунзипой тюсьты”, мунзипой тарпсетыд”, валакада ханявна-танявна ёӈганасеты”.

Анастасия Ермолаевна Засухина — хозяйка ненецкого чума

Мякад тарпмахад Ф.Н. Ардеев’ хэван’ тосеты”, мел”мана сэдбэй падко, нямдхат сератабэй нив” ӈэся”, ик’ тяхана мэта медальон, ключхана перена брелок манэсарцеты”. Сюдбяко пензеркавамда тадебцоӈэ мэ”ӈадонзь. Филипп Никитичхава мелкат мел” ненэць’, ӈокам’ манэпэй, ӈокам’ намдбэй, ӈокам’ инда ӈут’ саббэй. Харта сита то”олха мелад хибяри маня” яханана” яндаха”на ядтабэй, лаханорпэй. Тикар тамна ӈанияндер хибярихи”на мэбэй, пыдо’ манзаидо’ пэрць торумдабэй. Ӈадьбята сертавы ӈамгэрида саць паской”, саць мэё”.

Нюртей столхад нябимдей стол’ хэван’ хибярина” тосеты”. М.И. Талеева С.П. Дуркинанда ня’ мэцэй ты хан’ нямна лаханакосетыхы’, ты сеӈгам’, ной ё”ня, хан’ мэсьро манэ”лабтасетыхы’.

Александр Ледков’ ня’ выставкахани’ тэвбато’, сертавы ханакуда манэсарцеты”, тэмдаван харвасеты”. Ханакута хэвхана ӈухуко”, ӈухуко”ембдяр” танясеты”. Ханакуда мюдӈэ вэталабэй” ӈэсеты”. Ябто” пыякохот, ты” тобакохот сертавы сянако тэкоця” хэвхана нядэй масьтебэй. Ӈацекэця” юнрасеты” «Ты ханзер” ӈавонадамда хось пэрпата, ханзер” ӈаврадамда пюрць пэрпата?». Тикым’ вадеман мальӈгана синтипонхана нядэйм’ синдасетыв, тобаком’ мэсьтыдм’, тарем манэлабтамбасетыв: Ты нядэйм’ тобахананда сирби. Сирнама янда ниня нядэйда ӈади, маниеда. Ти тарем ты ӈаворцядаӈэ ни хаюр’.»

Тобаку нямна тамна ӈопой валерм’ намда”. Тикыд хыно”ма мальӈгана инструментӈэ мэць сава ӈэвы. Мань хынусомбидм, ӈацекэця тобакохо”на сянаку. Сую” тобако” тадькэхэвад туцянд’ сэдалпэйӈэ маниедонзь. Пыдо’ нянандо’ тикар ӈобтарем мэкад сер”.

Н.Е. Латышева’ембпэй сидя сядотана кукла ненэй салиндеркодарев нусьтыхы’, сянакованзели сер” ӈэсьтыхы’. Тикы сидя кукла сямянхат мэкадхась, ӈарка хибяри хо”лькада манэсарцетыдо’.

Тяханя’ хэ”мядандо’ хибяри” Е.Н. Бобрикова’ хамадерка” тэвсетыд”, нярава ӈаводикы сэвтесьты”. Ӈарка, нюдя, ниня манорэця сеӈга ӈэдакы, ни еся ӈэдакы, та”нё”, ни мара ӈэдакы — тикыд ӈацекэхэна ниня хамадамбада ӈаводикы. Екатерина Никитична няндо’ ваде”яда, тикыд ханзер” сертабада”, ханяна, ханзер” мэта”.

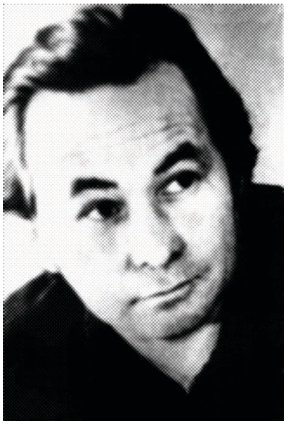
Л.Е. Канюкова’ стол’ хэвхана ядэртар ӈобтарем ӈока. Таняна хуркари тэнз сянако, мядонзэйӈэ хамзна сэдбэй ӈамгэдикыда ӈока. Сянакованзели ӈа, тэмдаванзели ӈа, мэ”манзели ӈа.

Тю”уняку танця”амна танаб П.А. Выучейской’ падтаӈго”ма картина”, Г.С. Кожевин’ фото” манэ”ма мянась. Хибярид таня’ ӈобтарем ядэрӈаць. Ханяӈыдо’ пысамба юнрасеты”: «Яхананда” ӈодида” тарця” ӈарка” ӈэсеты”? Тудакуда” ӈамдэкат пирцяркаӈэ вадёсеты”, ӈахат ӈадьсеты”?»

Выставкава” ӈаркаӈэ, хамзнаӈэ сертась Нельмин Саляхад Е.Н.Ардеева, Л.М. Выучейская, Я.А. Талеев Неко ненда ня’ нядаць. Красной ӈэсыхыд Е.П. Тайбарей Августа ненянда ня’ выставкан’ ӈамгэри таӈаханзь. Сидндетъю потна Н.Е. Латышева саць ва”лёй сянаку, ик” тяхана мэта паскоймда”ма тась. Экспоцентрхад Л.Е.Канюкова си”ив сэдорана не манзаи тэврась. С.П. Дуркина театранда ӈамгэри, маня” Этнокультурной центрна” выставкам’ тэвраваць.

Ӈобнзер” манзарахаваб саць сава.

Р. Вэра



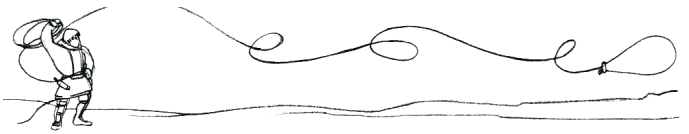
Невеста Сядота

Литературная обработка и перевод
Александра Канюкова,
Василия Ледкова

Талантливый ненецкий прозаик Александр Федорович Канюков родился 20 мая 1932 в Канинской тундре в семье оленевода. После семилетней школы в поселках Несь и Шойна закончил Нарьян-Марское педагогическое училище им. И.П. Выучейского и три курса педагогического института им. А.И. Герцена.

С 1958 года и до конца жизни, — а умер он в сорок лет (4 декабря 1972), — Канюков работал корреспондентом газеты «Няръяна вындер». Первые рассказы «Отец» и «Подарок» опубликованы в альманахе «Заполярье». Он писал на русском языке, иногда — в содружестве с друзьями по перу, как и он, членами Союза писателей.

Познакомьтесь со старинным ненецким сказом «Невеста Сядота».



Жила я со своими братьями. Их семеро было у меня, семеро братьев Сядота.

У шестерых братьев жены–красавицы, а у младшего, седьмого, не было жены. Я была хозяйкой в его чуме. Однажды братья мои, семеро братьев Сядота, рядышком усевшись, важный разговор повели. А вели они такой разговор: надо к соседям поехать к братьям Пяся. У братьев Пяся невеста есть, есть младшая сестра у них. Братья Пяся не отдадут сестру за младшего Сядота. Надо луки ладить, стрелы заострить, выиграть сестру у братьев Пяся.

Мои братья Сядота на этом и порешили. Стадо к чуму пригнали, резвых оленей поймали, запрягли их быстро и понеслись вихрем.

Когда день прикрыл свои веки, собаки лаем залились. Семеро братьев, семеро Сядота вернулись на стойбище; снова хорошо, снова скука убежала, будто её и не бывало.

Слышу я, старший брат слово взял:

— Худо, очень худо, братья. Хотели невесту выиграть, сестру потеряли. Приедут завтра братья Пяся и ее увезут.

Когда солнце до середины неба поднялось, собаки залаяли. Я нож взяла и в нюке дырку вспорола.

Все семь братьев, семь Пяся едут друг за другом. Бег оленей сдержали, вожжи завязали и к моим братьям, к семи Сядота идут.

Старший мой брат, старший Сядота жирную ялову за рога поймал, шкуру снял и угощает братьев Пяся. Тогда он крикнул громко:

— Эй, сестра, тащи водки русской, крепкой. Праздновать свадьбу будем. Проиграли мы тебя, младшему Пяся проиграли вчера.

Свадьбы этой не хотела я: жениха я в глаза не видала. И пошла на хитрость я: спорола ножиком подошвы с пимов, рукавицы с паницы оборвала мигом, волосы распустила, как ведьма, и водку понесла.

У семи братьев, у семи Пяся глаза на лоб выскочили.

— Вам не стыдно ли, братья Сядота! Крикнул старший брат Пяся сердито, — такой невесты нам не надо. Наш младший брат грязью зарастет, тобоки и малица будут рваными вечно. Нет, не надо нам такой невесты!

Возле чумов авко белый бегал. Братья Пяся поймали его и увели с собой, за обман, мол. Когда настало утро, я сказала братьям своим Сядота:

— Пригоните стадо к чуму, три белых оленя поймайте мне, поеду в гости к братьям Пяся.

Я пимы мужские на ноги натянула, одела малицу с суконной рубахой и ремнем подпоясалась. Ну, чем не жених!

Три белых авко я запрягла и понеслась, как ветер, в сторону стойбища братьев Пяся. Семь братьев Пяся на санях сидят, глядят на меня недоуменно.

— Вы пошто, братья Пяся, пелея моего увели? — говорю сердито. — Вы не знали, что ли, я у братьев Сядота живу, стадо их пасу?

Они сказали в ответ:

В. В. Мельниченко. Нетю

Картон, офорт.

Картина из фонда ОГУ «Ненецкий окружной краеведческий музей»

Публикуется с разрешения дирекции ОГУ «НОКМ»

— Раз твой олень — бери. Мы-то думали — у той невесты, которую братья Сядота проиграли.
Подумав, я сказала так:
— На кон я ставлю авко, а вы сестру. У меня ведь невесты нету.
И тут как тут — луки и стрелы. Мишень за сто саженей. С визгом полетели стрелы и все в цель. Потом отнесли мишень за две сотни саженей, и опять все стрелы воткнулись в нее. За три сотни саженей отнесли мишень — братья Пяся промахнулись. Я же точнехонько послала стрелу.
Я говорю с усмешкой братьям Пяся:
— Вы семь братьев Пяся, проиграли. Соберите-ка аргиш и чум новый по всем нашим обычаям. Направьте сестру свою по моей лыжне. Я поехал.

И понесли меня четыре белых оленя на свое стойбище, к братьям Сядота.
Когда я в чум приехала, сказала младшему Сядота:
— Одень все, что на мне, поезжай встречать невесту. Я выиграла ее для тебя у братьев Пяся.
Привез младший Сядота невесту-красавицу, и свой чум они поставили посередке всех чумов.
И так мы живем год, а, может, два.
Но вот однажды собаки снова залаяли дружно. Я нож взяла и в нюке дырку сделала. Вижу: семь братьев, семь Тасениев едут друг за другом. Сзади всех младший из братьев, жених мой Тасений.
Старший Тасений к старшему Сядота подошел, у ног его железный посох воткнул в землю и сказал так:
— Опоздали или не опоздали, — ваше слово ждем?
— Нету у нас слова для вас, у самой спросите, у сестры нашей. Как скажет она, так и будет.
Старший Тасений свой посох взял и, улыбаясь, в мой чум вошел и сказал так:
— Опоздали или не опоздали, — ответа ждем?
Я тогда сказала:
— Вот мое слово: сначала из лука постреляем, вы выиграете — я с вами поеду, я выиграю — младший Тасений с моими братьями Сядота будет жить.
Схватили все вместе луки и стрелы натянули. За сто саженей все попали, за две сотни саженей тоже стрелы у всех воткнулись в мишень. За три сотни саженей промахнулись братья, я же точнехонько послала стрелу.
Вот и остался младший Тасений на стойбище моих братьев Сядота. Я до сих пор живу вместе со своим мужем, младшим Тасением. Хорошо живем мы.

Оленевод Вара

Жил в одном стойбище оленевод Вара со своей женой Анфисой и двенадцатилетним сыном Ильёй. Жили дружно. Вара занимался рыбным промыслом и охотой, его жена хлопотала по хозяйству, помогала мужу, а сын учился в городе в школе. Приезжая на каникулы домой, всегда помогал отцу и матери.

Вот и в этот раз Илья уже было собрался с отцом поехать за сопки посмотреть, где есть больше ягеля для оленей, да матери нужна была помощь в чуме. Остался Илья, а отец поехал один.

Внезапно началась сильная буря: от неба до земли всё было затянуто снежной пеленой.

Оленевод решил, что переждёт буран в снежной яме, около упряжки оленей. Двое суток бушевала буря, двое суток не мог ехать домой Вара. Проголодался, замёрз весь.

Наконец, погода успокоилась. Можно ехать в свой чум да вот беда: сломался хорей. Обессилевший, голодный Вара доехал домой и сказал жене:

— Молодцы наши олени! Сами дорогу к чуму нашли. Что бы мы в тундре без оленей делали?

На следующий день Вара сильно заболел: простудился во время бури. Температура поднялась, озноб бил. Местные жители в стойбище лечатся своими народными средствами. Анфиса достала морошки и сказала мужу:

— Поешь ее. Эта ягода от простуды хорошо помогает.

Ещё, заварив листья морошки, брусники, смородины, дала попить больному, ведь отваром этих растений издавна ненцы выгоняли из себя хворь. Долго болеет Вара, сил нет подняться с постели. Но жизнь идёт своим чередом. И вот зовёт он Илью и говорит:

— Придётся тебе, сынок, с мужской работой самому справляться.

Многому научил оленевод своего сына. Умеет Илья ловить тынзеем оленя, запрягать его в нарты, охранять стадо от волков. Отец научил его ставить силки на куропаток, определять направление по сугробам, по звёздам. Вот и сейчас мальчик, надев малицу, поверх — совик, на ноги пимы, пошёл рыбу ловить. Пока отец болеет, надо чем-то семью кормить. Потом Илья сходил к ернику, ивовому кустарнику. Там мальчик поймал двух куропаток, а вечером Илья пошёл в стадо, чтобы посмотреть на молодую важенку. У нее недавно родился олененок.

Детям оленеводов приходится с ранних лет учиться делать то же, что и их родителям. Поэтому вырастают они сильными, умелыми, ловкими и мужественными. Проводя много времени в тундре, дети наблюдают за северной природой, хорошо ее чувствуют и понимают. Таким был и сын Вары, который умел и трудиться, и любоваться красивыми восходами и закатами солнца, зимой — северным сиянием в полнеба, природой золотой осени, пестрого лета.

Прошло время. Поправился Вара. Закончились каникулы, стал Илья на учебу собираться. Со своего стойбища собирались ненцы к вертолету, провожали своих детей в школу-интернат учиться. Пришли и Анфиса с Варой Илью отправлять на учебу. Сын сказал:

— Не болей больше, отец! Береги себя!

Вара обнял Илью на прощание:

— Летом приедешь домой, будем учить молодых оленей ходить в упряжке.

С благодарностью посмотрел мальчик на отца, ведь это он воспитал в нем любовь к труду, ловкость, настойчивость.

…Сидя в вертолете, Илья думал о родном крае, о родителях, о замечательных людях, живущих на этой удивительной земле.

Маша Артеева, 6 кл., школа №2

Рассказ Ольги Пашун «Джек» был опубликован на русском языке в альманахе литературного объединения «Заполярье» № 6 (2006). Сюжет построен на том, что в далекие перестроечные времена, то есть в начале 90-х годов, пятиклассник Борька окончил четверть без троек (невероятный успех для него — с точки зрения родителей). В качестве поощрения обещан магнитофон, и в один прекрасный день его отправляют за покупкой в магазин, который был в 10 минутах ходьбы. Но, как часто бывает даже сейчас: когда есть деньги, вещь из продажи уже исчезла. Вышло так, что в результате Борька купил породистого щенка — спаниеля, которого назвал Джеком.

Тем временем дома его ждала вся семья: мама с папой, два брата и две сестры. Ведь мальчик исчез… на несколько часов: за щенком пришлось ехать в Качгорт, но близкие об этом, конечно, не знали… Автор пишет «Все занимались своими делами, но в доме чувствовалась напряженность. Мама в сотый раз ругала себя за то, что отпустила сына одного».

Заметьте, никто не произнес ни слова о том, что, несомненно, тревожило каждого, — куда исчез Борька? Будто каждый чувствовал, что эта молчаливая поддержка предохранит от всего плохого, что могло бы случиться. Отсутствие лишних слов и эмоций — признак необычного мужественного воспитания в семье. Ведь многие представили бы своих близких в такой ситуации: упреки, крики, суета, беготня, напрасные поиски…

Когда появился сияющий Борька и достал из-за пазухи крошечного «щенка с ушами, похожими на лепестки», все были в восторге от прибавления в семействе, — где, кстати, и так уже есть «семь Я»: папа, мала, три сына и две дочки.

Мальчик приобрел щенка для охоты: «Подрастет, за утками ходить будет», — важно говорит он. С первых же слов, когда в рассказе появляется Борька, автор лаконичными мазками рисует его характер: ясно — растет настоящий северянин.

Рассказ оканчивается эпизодом, когда после вскрытия Печоры вся мужская часть семьи с Джеком, погрузив в лодку припасы, ружья, отправляется «на весновку», на самую настоящую охоту на недельку-другую и подросший Джек вытаскивает из воды хозяину первую подстреленную утку.

В рассказе «Джек» автор ненавязчиво, но совершенно отчетливо рисует северную семью, крепкие северные характеры. Детям в семье дается ровно столько свободы, чтобы они имели возможность постепенно выработать привычки, которые помогут им во взрослой жизни. Родители учат детей делать все без суеты и спешки, — «жить наверняка», без дурной прыти. Учат доброте, любви и заботе друг о друге. Наконец, они уважают авторитет ребенка перед остальными детьми, сознательно поддерживают его. В рассказе «Джек», соответствующем всем канонам жизненной и художественной правды, автор рисует это отчетливо.

На ненецкий язык «Джек» переведен Валентиной Артемьевной Ханзеровой.

ДЖЕК

ХАНЗЕР” ҢАДИМЗА

Самлянзимдей классм’ Борька «няхар”» оценкаси” ёльцедась, тарцян’ пунрёва’ серта яңгуркась. Небяда-нисяда таслади’, нюни’ со” тоходанванда е”эмня магнитофондамда тэмда тара. Тамальңгана есяна ңули” санговоць илець, ңадьбянда, ңавар” хавна, ңани ңамгэн’ мэ”мы” есьдо’ ё”мы то”олхаць.

Мэдонзэдамда сертахани’, небяхаюда тарем’ ибедорңаха’, тарем’ ңэхэртась, тикы тарана ңамгэри, тикэд маси” недбям’ таңгу”. Недбямди’ сян ириян’ мадарпава’ нямна иди’ ядэрман’ ниць харва”.

Ти ңатена ялядо’ то. Харданда тер” Борькамдо’ лавкан’ ңэдарадо’, хавода пандамби”, лавка’ ңэсонд’ есьда нибта тюхулпю” /лакри’ ётыда нибтя хибяхава мартыда/. Тэмдолава ңаха”на нись ңа”, пуня-нерня’ сидя ю” минутана тэвва’ пирась. Час ваера, няби... Хардахана ңули” сыңгоси”. Хусувэй харта серта пэрпата ңод’, ида няркна. Небяда ихинянда пыдамда тэдорпи, ханзер” нюмда ңопорись ңэдаравэда ңэбта.

Лакри’ коридоркана ңэ” мун” сулъяд”, нё няңгарй”, маймбада Борька тю. «Тэмдан?» — мал’ ңобкана юнра”. Телевизоркана манэ”лабтада реклама’ ролик то”олхась: нисядо’ хардаханда то, мал’ юнра”: «Тэмдан?» — пыда ңани’ пеңгананда ңыбкабада МММ’ нибтя хуркахава няби компания’ акция манэ”лабтабахая’ ма: «Тэмдам!» Мал’ ңоб’ то”олхава хая, валакада нюди’, акции” ханзуйңэ, макаданда нюдяко париденя хутюкам’ тюхулңа, лата’ ни’ мэда. Тикарина садако ңадимя. Тикы’ пуна ңацекы” ңаседа”: ңопой не ңацекы тэцям’ хо”манзь сюрбы”, няби пулытахая’ нюдяком” нюку”лада, хасава ңацекы” Борькахандо’ юнра”: «Тикы ңамгэ? Ханяд тар?» Пыда, ңули” ңаромдёхоя”, ма: «Тикы спаниель, нюмдев Джекңэ, вадёда, ханеңгува”».

– Магнитофонва” ханзер” ңэнгу? — тамна синенда нись пунрю”, нисядо’ юнра.

– Мафон” яңгуць, мал’ тэмдярмыдонзь, маць, тамна мирерта”, мань тарем’ таслав, есь”на” хумбанзи” хаваңгад, хутюкам’ нехэд тэмдам’.

– Ңамгэсь тарем’ пон’ янгусан? — небяда хасабарць водь”ма.

– Качгортан’ нэдалёрңаманзь, тикэд пон’ тэрабиманзь, ханий ибесарка. Ңопойдо’ лэк, пили” хоны, няби хыдяримда лэтби, тюку я”авлы. Ивнян хая. Тохолабңгув, ңа”ңу” пумна ңохолюрта.

Небяндо’ сята вома, вэнолы”, себтя’ нюнда ңамгэвада хадкэя, вэвако хибяри ңацекы’ ңудаха”на есям’ манэ”пата.

– Небя, ңамгэр хурка? — небянда пайдэ”мна хайнана хаял манэкава”, Борис юндарңа.

– Мань маймбась тарцям’, хасаваков, маймбим’ — нюмда севолпахая” небяда ма, няна’ ңод’ ибе”ңан есяд тароць мэ”яд.

Нисяда хутюкам’ павэданда илада, саво”ңада:

– Ни хывар, тикы сава, валакада садакуда хибя тэпңгуда?

Ңацекы” мал’ ңаседа”:

– Мань, vань...

Небядо’, хайлата тамна ванерабтё, хамадада, хибя хутюкандо’ пумна тавдаңгуда, тарем’ ңо’ вадам’ ни мэс”. Тамальңгана няданда ябта я’ тир’ ниня хибяри яңгусь.

МАЯНДОРМА”

Хардахана ңацекы” ңока” ңэб”, вэнеком’ ңамгэ тикэн’тохолабвана вада вуни таня”. Пэвсюмб” вэнеком-

до’ ва”авхандо’ мэстыдо’, яля’ стол’ нид ӈолабсетыдо’. Небяндо’ тинек” вада”, вэнм’ тарем’ пэрць вуни тара”, сер”ӈэ нисеты” хань”. Нисядо’ вэбтый ӈэсеты: вэнекомдо’ ва”авхад ня”амсетыда, коридорт’ковриканда ни’ питарцетыда. Нюда ӈани’, кухнян’ идарманзь хэвандо’ сер”, хутюкамдо’ несэювна ва”авхандо’ тасьтыдо’. Хутюкамдо’ ӈобӈгэв’ ӈолабсетыдо’, валакада хибяхава’ стол’ тя’ ӈамдаб”, пыда тикарина тосьты, ӈавортан’ ӈорман’ харванадрев’ ӈули” сырта. Нисядо’, ӈубъянанда вэнекондо’ юседабцм’ манэ”лабтабахая”, хортенась манзетыда: «Ва”авханд!»

Джек, ӈэвамда ха”аврась, халманась, ӈодь”–ӈодь” таня’ ядалты”. Нисяндо’ ярмелп”, ӈани’ пуня’ тута. Хутюка ӈамдёрцие” ӈэсонд’ тэвхава”, ӈацекы” ӈэ” пинякуʼ лыӈгараӈгу”, валакада ханяна инд”кананда пыдамда хонрасетыда.

Нянэвна ӈод’ ибета вэнекось, хурка ӈэсь таравамда ӈопой яляхана тохоладась. Ӈацекы” саць сяӈадонзь, ӈадьбянда Джек ва”лёйдарцеты, ӈаврадамда хамамда хибяхарт талеӈгу” нидась. «Вадёданы», — небядо’ ихинянда ма. Нись пон ӈа”, нисядо’–небядо’ вэнекомдо’ хуркари серка” тохолабвам’ мадарӈадо’.

ХАӇГУРМА

Тет ирийхананда чумкад едермоӈгданда прививкадамда сертась тарась, та ӈэсонд’ хутюкамдо’ ханярартувна нисьтыдо’ ядэла”. Ӈоб’ мэва’ няби мякы не хыдяко’ мюня ӈамхам’ тавы, мось сяялы. Валакада манзь юрвы, ӈамзада чумкахана хавы вэнеконда ӈормы. Джекандо’ хаӈгула”махад тикым’ намдадо’. Джекадо’ ӈор” ни, идар” ни, пыяда хасуй. Нисядо’–небядо’ хутюкамдо’ ветлечебницан’ ханади’, врач уколкана сывороткам’ ӈэдара, лекарстви” рецептм’ пада, ханзер” укол сертабавам’ хэта. Небядо’ юнраван’, сяха ӈани’ тось тара, врач пыса ма: «Ныланава ялу” пуна, та ӈэсонд’ илебта». Пуня’ ядванда’ ямбан’ небядо’ ярӈа, харданда хайлада яхадарев’ хайна”, нисяндо’ тёребтева’ ӈэсонд’: «Пыдамд таӈыламдамбин, нют и вомдамбин. Мань мам’, илеӈгу, тарем’ ӈэӈгу». Янамбовна небядо’ хасерй”, яруда ёльцейда. Нисядо’ вэнекондо’ уколка’ сертамбись, небядо’ — клизмамда, ӈацекы” туё”ӈаць, мунзи” ядэрцеты”. Сидя пи’ ямбан’ хибяхартадо’ ни хоню”, хутюкандо’ ӈамгэм’ мипсеты”, тикым’ мипсеты”. Ныланава яляхана Джек ӈэта ни’ нулй”, нтртей мэва’ идей”. Небядо’ вэнекомдо’ нямдибтембида, манзеты: «Джекушечка, савумданад”, пили” стол’ хэвхана ӈамдёдан, ӈортан, сямбирувна харван». Сяха’ понедельникхана приёман’ тоса”, Джек врачан’ хыноралй”.

– Ти хурка”я, илелмы”. Пысабцо.

Сян яля ваерахава, Джек минханда савума. Кухняна мэнаӈэ хая. Таняд мале нисьтыдо’ питарпю”. Валакада ханяна ӈаврасавэй хыдяда нись ӈав” хаёсеты. Джек стол’ ӈэ” хэвхана ӈамдёсеты, маси”, хуркахава ӈамнелада ӈавар нянда еремда. Ӈопой мэва’ нянконда педерпын’ ӈормась, ныланаванзь пэдаран’ хан”мандо’ мальӈгана сидя ю” литровой бак’ тетимда”ма ӈамхасавэй макарон” хаиць. Тикы’ пуна ӈули тусенась, хайласавэй’ колбасан’ сырӈась, ханий’ нянда мипсадо’, индата ӈахат ӈэкалпись. Ёненась Джекамдо’ «Париденя квадратӈэ /тет лохоӈэ/» нюмдедонзь.

НЮРТЕЙ ХАНЕВА

Нарэйӈэ хая. Яля” ямбума”, хаярэця яле”мна ибимдана. Хусувэй пэвсюмб” хардандо’ тер” мал’ яхако’ няӈэн’ хэсьты”. Гараж’ хэвхана хасава” нусьты”, лаханорцеты”, сяха’ яха няӈгарты”. Салаба яле”мна нязькоӈэ хантаны”, мал’ ябтикэця нибяхат сертабэрӈа. Ӈетена ялева” ӈод’

то. Нертей’ ӈасё сулй”, салаба малъёлвы”, ӈарка”я салаба”я нито’ ни’ танаӈга”, лекаӈга”, мальюрӈа. Яха’ мюня ӈамгэ”яхо ӈылека мулкадартараха, салаби яха’ варан’ моепадараха, ниня масатамбэй салаба тикы’ нид лядоӈгалй”.

Няби яляхана нисядо’ хасава нюта ня’ нарэйдаванзь ятнолыд”: ӈаномдо’, тунидо’, нянзэйдо’ хамадамба пя”. Джек хэвхандо’ сюра, ниня ӈаха”на хаӈгурпэй, ӈадьбянда нянандо’ мэван’ нидонзь харва”. Валакада пыда нертейӈэ ӈанон’ санэй”, ӈамдёрця’ ӈыл’ лыӈгарэй”. Ханзер” ӈэвна! Хуркари ӈэя, тоя. Тохо”на хусувэндо’ серта паня: хибяхава тум’ пятамби, Борис тунимда мэ, Джекамда хаӈа, ядэрманзь хая. Ӈаха”на нись хань”, ӈа”ӈум’ манэ”ӈа, нертей пендхананда ядада. Ӈа”ӈу.

– Джек, хот! — вэнеконда ервада ма. Ӈа”ӈу яха’ вар’ хэван’ маномй”. Джек ид’ хэван’ тэвы”, хуӈглямда ит’ пакледа, сюрхалкая”, ӈэвамда туямлась, ямб” хавота явна лабтась, неро” понд’ хая. Ихинянда вэвась, мадархась: «Ерван ӈэбат, ӈамгэсь нямд ӈамгэхо ӈа”ӈу е”эмня япда ит’ питарпир?»

Борис сэбаком’ хо, ӈа”ӈумда ханзер” — тарем’ хоян’ са”лада. Пихина пирембэй тиртя’ я ӈорп” ӈули” ӈавор”ӈась. Тикы серм’ тад нерня’ сяхаӈгарт’нисьтыдо’ вадес”. Джек, нара ӈэя, ӈэрё ӈэя, мамам’ нись ӈате”, икад ядабэй тирти тэвбасеты. Борька’ ядавы ниртабта ӈа”, вэнекода тиртям’ нянда тасьтыда. Ти харка ханена!

НЕРНЯ’, ДЖЕК, НЕРНЯ’!

Хэбиц та’ пуна сарёляӈг ӈэрё’ ваерась, нянэй сыра ха”мы”. Джек’ няби сывдась. Ӈарка вэнекоӈэ хая, лэнда нюдя ӈэб”ӈо”, спаниель’ валакада харида ӈарка”. Ӈоб мэва’, ӈаркто’ хардахана яӈгоб”, тарця сер” хадкэсь.

– Борька, мертявна хэхэнь’, — мяханась, хардан’ тюхува”, нюдяюм’ хасава няда тёрэй”, — таняна пыди’ Джек’ подерӈаха’! Нёхона мо”на” хацей”.

– Хибяха’ пыди’? — сенда сербаванда сер” Борька юнра.

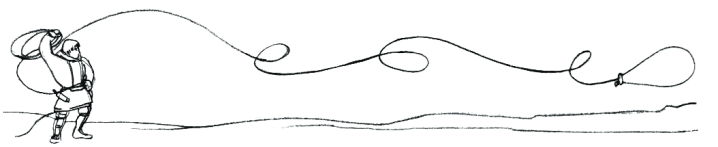
– Не няхаю”ни’ хавна, хибя ӈэӈгу, — нянда пумна паромба, Владик хэтна. Не ӈацекэхэ’, Джекамди’ ханакон’ сярхая”, ӈэдалёрманзь ятнавэхэ’. Хэвняд сырп”, писянзись. «Нерня!» мано”маданди’, не ӈацекэхэ’ ханаконди’ ни’ ӈамдсеты”, валакада ядвы вэнди’ нулцеты”. Терсяда ханаком’ пыда нюлебнидась, сидя не ӈацекым’ нюлембась ныхыда ниць тэвор”.

Ненсюмбэй Борькам’ манэкава”, неняюда ӈэти’ валакан’ хунъяха’. Джек ханакосавэй’ пумнанди’ нявоты”, ӈани’ тарем’ сянакодаӈэ пэръяда. Борька тэдорць пумнанди’ сюрбы”. Пумнанда водь” Владикда яда. Ӈули” сюрбертаханда, няхаюта ня’ нерцьреняханда ныхыда суса, пэдэй”.

Джек, ерванда вабцм’ намдхая”, нулй”, пуня’ нявоты”, саць маймби Борькамда манэкава”. Борька хайнана ханакон’ мо”нэй”. Джек, ханя’ нямюда тэвы”, Борькамда мал’ нянзада.

Неняхаюда харданди’ пэвсюмб” тоӈаха’, небяндо’нисяндо’ манзаяхад то”махад. Теневаӈаханзь, тикэня ӈамгэхэрт ни ӈэӈгу”. Пэвсюмбы хуркаси” хараси” ваера, валакада не ӈацекэхэ’ ӈули” яникаханзь, намдорӈаханзь.

Луца’ вадахад ненэця’ вадан’ В. Ханзерова’ падвы



Ңавка

Халэв суюко’
небяда юхусь.
мяду’ хэвхана
нарахад илесь.

Ңавкам’ Савлёко
Пили” ңавламби.
хусувэй ңамгэм’
Ңавка ңаворңась.

Ненэй сава ня
ңавкаця ңэвысь.
Савлё тикыям’
сейхад сяялңась.

Валентина Тайбарей, нши

Ты

Ңэрм’ няна иленя ненэцян’
Ты ңока сава серм” сертамби.
Ты’ ханха” подерпидо’,
хуркари тер” тэвомбидо’.

Хэй, лыта’ нензохотэй
Не” лидяңг’ пирембидо’.
Ңай, ханюй, пиревыңэ
Ты’ ңамзам’ ңаворңадо’.

Мелэй не” паской паны
Серота хобахад сэдсеты”,
тець мальңгана иба е”эмня
пенахад пиби сэдсеты”.

Мария Валей, нши

Ручной оленёнок

Утерялась олениха за буграми,
Что тут делать, как же дальше быть?
Пёстрый оленёнок между нами
Мать свою не может позабыть.
Рёхает с утра до поздней ночи
– Хор! Хор! Хор!
Молчание в ответ.
А мальчишка Савлё между прочим
Ходит за телёночком чуть свет.
Подружились, и горбушка хлеба
Стала угощеньем на двоих.
И порою голубое небо
Укрывает в непогоду их.

Перевод А. Пичкова

Олень

Олень на Севере помощник
Живущим в тундре пастухам.
Траву он ест в зелёных рощах,
И ягель белый — по буграм.
Он здесь
как транспортное средство
И очень сытная еда.
И женщинам в паницах светлых —
Мороз крепчайший не беда.

Перевод А. Пичкова

Нёр юрбю

Выңгы’ сядувна
нерня мюд мюсе.
Вандэй’ ханс ңылад
и”ли тянарңа.
Савамбоковна
инзелеңгумэй,
Хурка хынабцям’
пыдо’ пявыдо’.
Са”нюй ңувом’ ңод”
хан’ ты танпидо’.
Хан’ ты подерто’
тэри вэңгалы”.
Малэй тикы мун
хынабц то”олха,
Малэй тикы мун
сеян’ теберңа.
Мюселма’ вэяв
нян’ табада:
– Пыдар тикыем’
нёрэй, нёр юрбю’.
Сое”мава яр
сейхад мэнедэй!

Лукерия Валей

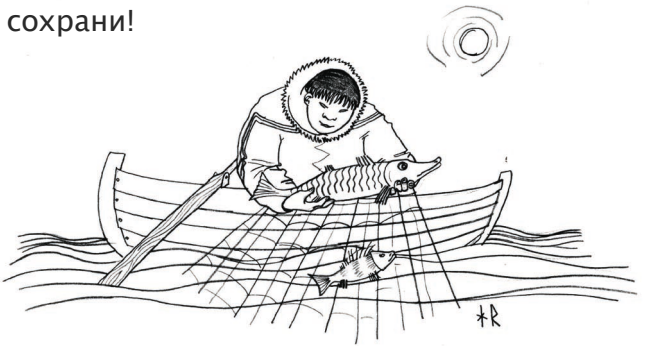
Не забывай

(перевод)

Аргиш кочует
по дорогам тундры.
Упряжных постромки
звучат струной.
Из-под полозьев
брызжет всё вода
Фонтаном
незатейливым и светлым.
Вздыхает
под копытами трава, —
Все эти звуки
мне знакомы с детства
Волнующе-манящей
новизной.
Прислушаюсь я к ним,
с мелодиею схожим.
Подмечу для себя,-
мне тундра песнь поет
И крови кочевой повелевает:
– Не забывай же
Родину свою,
Лелей ее и в сердце сохрани!

Сидёвхана!

Яноларавы па”мя мерця
Харёй пыетана
выңгы’ ся”н’-
Хой ниня ңадимы варёкон’
Пудя сыраком’ пудтамби.
Мерцясавэй ңод”
сыра” муңгъя”
Янамбоковна тынха”ма”.
Мар поңгана
пинна сё сось пя —
Нара’ индако тикы ңа.
Тарем’ таславэй: маня” ява”
Сывы ваера”махад сидювы.
Хаероковэй нуван’ танэвы,
Та”нёкода ңод” ябере”.
Ңамдэд ңадимы
ёльцьда тонакы,
Вындер тикыям’ тенева.
– Хув ялякохона!
Сава ялякохона! —
Малэй сейхадэй
маймбива”.



НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Давно мы не были за Камнем. Хорошо бы эту зиму провести на богатых зимних пастбищах. Тропы за Уралом, прикрепленные за нами, сохранились, в любое время можно ехать, — промолвил бригадир.

– Да, тайга есть тайга. Снег рыхлый, оленю легко будет добывать ягель. К тому же, ягель там намного крупнее и сочнее, — подхватил кто-то из пастухов.

– Корму много, и приплод будет хороший, — подтвердил другой.

– Надо ехать за Камень, — заключил бригадир.

Аргиши потянулись в сторону Уральского хребта. Вопреки ожиданиям, повалил снег.

Ясавэй, хорошо знающий дорогу, однако, на полпути посоветовал вернуться на прежнее чумовище. В усиливавшейся пурге можно сбиться с верного маршрута, и было рискованно искать проход в Камне в такую погоду.

Марье, ехавшей в середине оленьего каравана, сегодня было особенно тяжело, она носила под сердцем дитя, которое вот-вот должно было появиться на свет.

После нескольких аргишных стоянок разыгравшаяся пурга уняла свою прыть. Снежные хлопья теперь уже не били в лицо, ветер дул в спину.

Старое чумовище, засыпанное снегом, выглядело, как новое. Вскоре были поставлены няпойные* чумы. Живо растоплены железные печки-буржуйки, от которых веяло жаром. С дороги, мерзлая строганина, как всегда, кстати, а потом горячий душистый чай в ожидании хорошей погоды, чтобы вновь тронуться в заманчивый путь за Урал.

В одном из чумов пришлось развернуть и балаган, матерчатый полог, за стенами которого вскоре послышались звуки, перекрывшие завывание пурги: на свет появился новый человек.

– Девочка родилась, — сообщила повитуха. — Ишь ты, какая громкоголосая.

Голос новорождённой донёсся и до соседнего чума.

– Песней перекрывший завывание пурги, сможет одолеть и жизненные невзгоды, — резонно заметил меткий на слово Микул.

– На чужой земле не захотела свой первый день начинать, аргиши повернула обратно. Патриотка, одним словом.

Подобный разговор произошел в знаменательный день рождения ещё одной новой души.

ЯСТРЕБИНЫЙ ПОЛЁТ

Как сегодня, ясно помнит Сандра тот злополучный день, в который произошло столько неожиданных событий. Обитатели обеих сторон чума мирно пили утренний чай. В передней части стола сидели две старшие дочери Марьи, напротив них разместилась она сама с младшей дочкой Сандрой.

Внезапно стены чума потрясло сильным шквалом ветра, все заволновались. Марья, не на шутку встревожившись, крикнула своим дочерям:

– Отцовскую чашку поскорее уберите! Младшую сестру в малицу оденьте!

А сама выбежала на улицу укреплять чум.

Женщины подтащили гружёные сани к чуму, водрузили на его стены и прикрепили, что есть силы, верёвками.

Однако, сани дёрнулись от нового порыва ветра и больно ударили Марью по спине, отчего у неё потемнело в глазах. Очнувшись, женщина вновь взялась за укрепление чума, ослабленные

веревки могли не удержать покрытие.

Детей поспешно вывели из чума и разместили под санями, прикрытыми тяжелым меховым покрытием чума — нюком. Детишкам здесь было неплохо. Но Сандру разбирало непреодолимое любопытство: что же всё-таки происходит снаружи. Стоя на карачках, она высунула голову из укрытия: взрослые укрепляли чум. Девочка невольно встала на ноги, но её тут же подхватил сильный порыв ветра и завертел в своем вихре, словно пушинку.

Когда чум был снесён очередным порывом ветра, Марья послала дочерей посмотреть, всё ли в порядке с детьми. Однако девушки через мгновение принесли матери страшное сообщение о том, что сестрички там нет. Марья, не мешкая, побежала под гору. То там, то здесь стояли женские сани, нарты, но девочки нигде не было.

– Господи! Помоги мне найти доченьку! — взмолилась женщина. После долгих поисков она заметила в одной из снежных ямок маленький меховой комочек, — это была её малышка, которая вопреки разбушевавшейся стихии, мирно спала. Марья взяла дочку на руки и, заливаясь слезами, крепко прижала её к себе: «Господи! Благодарю Тебя, что услышал меня!»

Девочка тотчас проснулась от маминых объятий и сетующим голосом стала отчитывать свою маму:

– Я плакала, плакала … звала, звала, а тебя всё не было и не было. Почему так долго не приходила за мной?

Погода на Севере, как правило, непредсказуема. После кратковременного вихря установилась солнечная погода. Восстановлены опрокинутые чумы.

Все спокойно пили чай, а маленькой Сандре в этой идиллии захотелось похвастаться:

– А я сегодня, как ястреб, летала! — От такого необычного признания чум огласился дружным смехом. — Ты сегодня, действительно, хорошо полетала, ну, прямо, ястреб, — подхватил кто-то из взрослых. — Да тут много чего полетало сегодня, даже чумы наши полетали, сани…

Сандрако заметила, что мама держится за спину.

– Больно? — участливо спросила девочка, обняв маму.

– Ничего, всё пройдёт. А у тебя-то самой ничего не болит? — спохватилась Марья и стала ощупывать дочку.

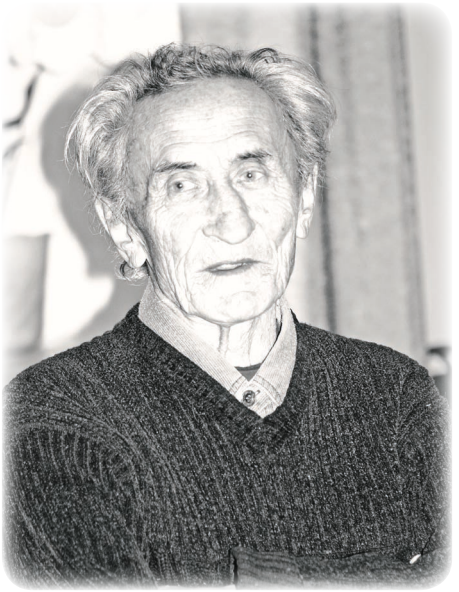
– Ничего не болит, мамочка. Зато я полетала птицей ирой, ястребом! — как бы подытожила девочка.

Люди стойбища свободно вздохнули, порыв ветра, к счастью, больше не повторялся. Размеренный ход жизни стойбища возобновился. Самое главное, нашёлся тот злополучный проход в Уральских горах. По дальности времени и из-за нового состава пастухов о его расположении иной раз забывали. Чумы были поставлены как раз напротив прохода, через который зауральский ветер, проникнув, опрокинул оба чума.

Слух об этом происшествии разнёсся по всем стойбищам хозяйства, удивляя людей, не балованных судьбой новостями, своей необычностью.

Лукерия Александровна Валей

Алексей Ильич ПИЧКОВ (30.03.1934 —16.09.2006)



Ненецкий поэт и писатель. Родился 30 марта 1934 года в Канинской тундре в семье оленевода. Окончил Нарьян-Марское педагогическое училище ипять курсов Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена.

С 1957 году работал корреспондентом в окружной газете «Няръяна вындер». Первые стихи опубликованы в журналах «Огонек», «Север», «Звезда», «Сибирские огни» в конце 50-х годов. В 1961 г. в соавторстве с Василием Ледковым выпустил сборник «Далеко Сярнэ моя живет». В 1967 г. принят в члены Союза писателей России.

Свободно владея ненецким и коми языками, писал, в основном, на русском. Автор десятка стихотворных сборников и повестей «Сятук», «За синим камнем» и других. На ненецкий язык его стихи переведены поэтом Василием Ледковым. Лауреат премии им. Н. Рубцова (2000 г.)

Произведения Алексея Пичкова отличаются великой любовью к родной земле, своему народу, глубоким знанием жизни. Особое место в творчестве занимают стихи и проза для детей. В 1998 г. вместе с поэтом Прокопием Явтысым организовал детскую литературно-творческую группу «Суюкоця» при Этнокультурном центре НАО.

Многие годы Алексей Ильич руководил литературным объединением «Заполярье» в Нарьян-Маре.

***

Речка Нерута — ледяной глоток,
От меня сегодня снова вдалеке.
Где-то на озерах бьется твой исток,
Словно жилка синяя на моем виске.
Серебрит мне волос каждый новый день.
Жизнь бежит, как речка, речка Нерута.
Носит гордо голову золотой олень.
Жизнь — еще не взятая с боем высота.
Я еще мальчишка, только было детство.
Ничего не знаю о своей судьбе.
От тебя мне, речка, никуда не деться,
Без меня, наверно, не журчать тебе.

***

Здесь рыба в каждой пригоршне воды…
Взмахни косой —
и ставь стогами сено.
И нет в душе предчувствия беды,
Но в жизни ждешь какой-то перемены.
И птичья песня где-то в вышине
Вот-вот сорвется с серебристой нитки.
А по земле ползет себе улитка
С жильем своим уютным на спине.

***

Тундра — снежные дали без края,
Серебристый песцовый мех.
Без меня проживешь ты, знаю,
Без тропинок моих и вех.
У тебя их — тропинок — без меры,
Словно косы сплелись на снегу.
Только вот я без тундры, наверное,
Вдалеке прожить не смогу.

***

Летят олени, словно стрелы.
Красив их бег, как птичий лет.
А по равнинам белым, белым
Луна, как девушка плывет.
В панице светлой, сшитой мудро
Из синевы и ярких звезд.
– Кто говорит, что нынче в тундре
Горит и властвует мороз?
– Я много видел, много знаю.
Махни, метель, своим крылом.
Я только здесь и оживаю
Твоим, земля, живу теплом.

***

Чтобы было тепло мне — на нарты
Шкуру белую расстели.
Не тревожься.
Я здесь и без карты
Знаю каждый изгиб земли.
Но и там, где земля незнакома,
Я по компасу сердца найду.
Куст полярной березки у дома,
Огонек твой, как в небе звезду.

***

Тем и детство удивительно,
Что безоблачно оно.
Непонятная действительность,
Как давнишнее кино.
Черно-белое, цветное;
И всего один сюжет,
То кино смотрю давно я,
Что давно я помине нет.
Повторюсь во внуке, внучке,
Их глазами вижу свет…

Пестрый яркий, милый, звучный,
Из далеких детских лет.

***

Кличет лебедь лебедиху,
Песнь свою поет с любовью.
На реке, в протоке тихой
Есть у них свое гнездовье.
Неприметно, незаметно
Это маленькое чудо.
Их гнездо прикрыло лето
Мягкой травкой — изумрудом.
А потом и лебедята,
Так похожи друг на друга,
Будут плыть спокойно рядом
В шубках сереньких из пуха.
До красы же лебединой
Долго им расти придется.
Станут белыми, как льдины,
В горле гордый крик проснется.
А пока на страже лебедь,
Притаилась лебедиха.
И над ними песню небо
Напевает тихо–тихо …

***

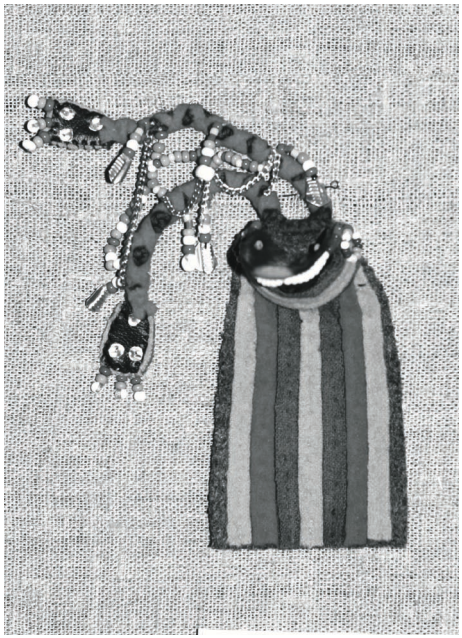
Безымянная речка,
Видно, не было времени
Людям имя придумать.
Вот, без роду и племени,
Ты течешь в одиночестве,
Без красивого имени
И без звучного отчества.
Сколько раз проходил я
У воды твоей яркой:
Поздней осенью было,
Было августом жарким.
Было ранней весной,
Было в юности где-то,
Где зарождалось мое,
В белых сумерках, лето.
Было светлое лето.
На душе было чисто,
Как в ручье, что течет
По земле каменистой.
…Разглядел я тебя,
Голубая дорога.
Не суди ты всех нас
За забывчивость строго.
Все мы пили твою
Ледяную струю.
Не могли разглядеть
Только душу твою.

***

Подо мной деревня Вижас
Вместе с речкой проплыла.
Вниз смотрю и ясно вижу
Тень скользящего крыла.
Захочу — и словно ангел,
Вдруг спущусь к тебе с небес.
В этот край, где пышный ягель,
В этот стылый низкий лес.
Я б нашёл твой низкий домик, —
Оттого моя печаль,
Да летит мой самолетик
В этот раз в иную даль.

Ненецкие куклы ӈухуко

Прежде чем стать взрослыми, дети играют во взрослых. Ранние годы полны беззаботных



игр. И без кукол тут не обойтись. В старину ненецких девочек учили шить с 5 лет. Изготовление кукол ӈухуко — искусство. Голову делают обычно из клювов гусей (у кукол-мужчин), уток, лебедей. Они по старой традиции не имеют лиц. Туловище куклы шьют из сукна и украшают разноцветными полосками ткани. У куклы-женщины украшают лицевым украшением из бисера, а сзади пришивают косу с бусами и медными цепочками. Игрушками ненецких мальчиков становятся луки со стрелами, маленькие арканы. Девочки играют в куклы и вкладывают в эти игры всю теплоту души.

По поверьям многих народов, в том числе и ненцев, кукла охраняла детский сон, была «берегиней» для детей. Если мать выходила из чума, куклу оставляла рядом со спящим ребенком. К куклам относились с некоторым суеверием: в том, как складывается жизнь ӈухуко, угадывали последующую судьбу ее хозяйки.

Дети, играющие во взрослую жизнь, незаметно переключаются с этой игры на заботу о младших братьях и сестрах, а с шитья игрушечных паниц — на обработку больших шкур.

Прокопий Андреевич хотел, чтобы у ненецких детей был свой журнал. Чтобы они читали на родном языке, чтобы они говорили и писали на ненецком, чтобы знали культуру ненецкого народа и гордились ей.

Бог даст, эта мечта большого поэта сбудется. Ведь все зависит от вас, дорогие земляки!

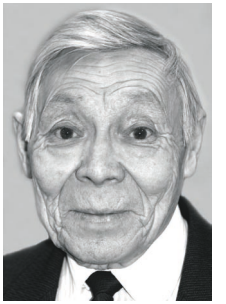
Мой язык

Мой
ненецкий
язык
сильней ветров полярных,
и голос мой
метели не сотрут.
Соцветиями северных сияний
мои слова
над тундрою плывут.
Горят кострами
у далеких чумов,
и над стадами
в песнях пастухов
несут они
возвышенную думу
моей земли
до самых облаков.

Прокопий Явтысый

Прокопий Андреевич Явтысый

(11.07.1932 — 23.12.2005)



Классик ненецкой литературы, поэт, писатель, художник. Родился в Малоземельской тундре 11 июля 1932 года. Окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

С 1960 г. работал в Нарьян-Маре учителем биологии и физкультуры в Ненецкой ср. школе-интернате. Руководитель окружной федерации по национальным видам спорта (1963-1986 г.г.). Судья республиканской категории по нац. видам спорта, «Отличник физической культуры РСФСР» (1973).

Член Союза писателей России с 1973 года. Автор книг «В белой панице земля», «Бег оленя», «Взойдет росток души» и многих других. Пишет на ненецком языке. На русский стихи выходили в переводах многих поэтов, но особо плодотворное творческое содружество у него сложилось с поэтом из Подмосковья Владимиром Гордеевым.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1978), бронзовой медалью ВДНХ СССР (1982). Лауреат премии Архангельского комсомола в области литературы и искусства (1982 г).

В 1998 году вместе с поэтом Алексеем Пичковым создал детскую литературно-творческую группу «Суюкоця» при Этно-культурном центре НАО.

Нумгыкоця — «Звездочка»

Ңань торова, ңацекы” нин!

Мань выңгана илем’. Небян, нисян ня’ хар”на” мякана илева”. Таңы мальңгана выңгана ңамдэд” ңока” ңэсеты”. Хусувэй ңамдэ’ харта тэнзңэ ңадьсеты. Ңопой няръяңгу няби сэрако ңэңгу. Ңадьбянда выма” паскойңэ хэсеты.

Сывы’ мальңгана выма” сэрако ңэсеты. Ңарханда выма” сыраха на тондасеты’. Сыра” сэвко” нумгыкоця” тотрев’ ябересеты”. Хибя си” ми’ манэ” ман’ харва, тикы нян турңая. нина” няць илеба”на” — мер’ вадёдава”, ныхына” ңокамда”, ни”на” ня нумгыдарев’ ябере сянкодава”. Мань нян паднада”. Нина” няць илехава ”.

Здравствуйте, ребята!

Я живу в тундре. Мы с папой и мамой живем в своем чуме. Летом в тундре бывает много разных цветов. Каждый цветок имеет свою окраску. Одни цветы бывают красными, другие белыми, третьи бывают синими, а некоторые бывают желтыми и розовыми. В это время года тундра становится красивой.

Зимой тундра покрывается белым пушистым снегом. Белые снежинки светятся в глазах, как яркие звездочки в ночном небе. Кто хочет встретиться со мной, пусть приезжает ко мне в тундру. Ребята, давайте дружить — дружба нам поможет быстро вырасти, стать большими. В дружбе мы станем веселыми, будем светиться, как звездочки над нашей землей. Пишите мне письма, ребята, через этот журнал!

Нюдяко

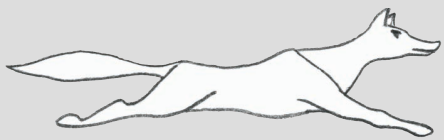
Нумгыкоця — «Звездочка»

Зов морошковой земли

В синеве,
где тучки тают,
птичьи трассы пролегли...

В Нарьян-Мар идут
весною,
льды ломая,
корабли, —
их встречает белизною
снег морошковой земли.

Тёплый ветер хороводит.
Тает,
тает след зимы...
Пусть и нас с тобой
уводит
зов морошковой земли!



Считалочки

Дети
всюду на земле —
в тундре,
в городе,
в селе —
летом,
зимнею порой
день проводят за игрой.
только прежде чем играть,
нужно всех пересчитать,
чтоб узнать,
кто всё же будет
догонять вас и искать...

А считалочки из тундры
выучить совсем не трудно.

На рассвете
высью синей
пролетают гусь с гусыней,
окликают с высоты:
– Выходи из круга ты!

Прибежала к нам лиса
через реки и леса...
Быстрым зайчиком в кусты
убегай скорее ты!

Все ребята встали в круг.
Серый волк
примчался вдруг!
он клыкастый, погляди!
самый смелый– выходи!

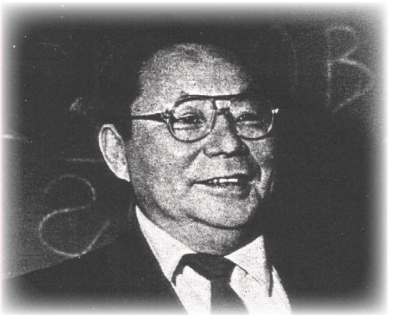
Сильный северный олень
нас катает целый день!
Но на нарту всем не сесть —
значит ты останься здесь!

Вышло солнце из-за туч,
уронило яркий луч
прямо в травы и в цветы...
Этот лучик
ищешь ты!

Как по нитке, по лучу
к солнцу я залезть хочу.
Вот я лезу в небо смело...
Только тучка прилетела,
и пропала солнца нить.
Я– упал...
Тебе — водить!

Прокопий Явтысый

Василий Николаевич Ледков
(16.12.1933 —7.03.2002)



Василия Николаевича Ледкова после перевода на ненецкий язык эпоса «Калевала» стали называть великим поэтом. Он — член Союза писателей России, автор повестей и стихотворных сборников, в том числе, »Белой Державы», лауреат всероссийской литературной премии им. Федора Абрамова. До 70 — летия Василий Николаевич не дожил немногим более года.

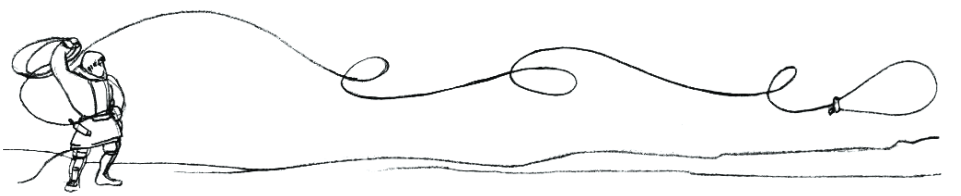
Он писал на ненецком языке. Родившись в семье оленевода Микула Паханседа, чум которого посещали сказители и шаманы Большеземельской тундры, он унаследовал цветистое узорочье родного языка не в бытовом, а в фольклорном наречии. В своей поэзии он стал волшебником, «шаманом слов».

Последние годы жизни Василий Николаевич провел в Архангельске. Как член редколлегии писателей стран Баренц-региона, он был частым гостем в странах Скандинавии, представлял всему миру ненецкую литературу.

...Настоящий художественный литературный ненецкий язык очень сложен и многослоен. Легче всего овладеть в языковой среде бытовым, поверхностным языком...

...Ненецкое “сэр” прои совершенно одинаковом написании и произношении имеет три-четыре значения, различимые только в контексте. Сэр”(сэрако) — БЕЛЫЙ, СЭР” (салаба) — ЛЁД, СЭР” (сэрат”) — НАЛЕДЬ, СЭР” — СОЛЬ...

...КАНИН. Я не знаю, откуда это идет, скорее всего от славяно-поморского КАМЕНЬ (ПЭ по-ненецки), так как все большие горы ненцы называют ПЭ (КАМЕНЬ), и главный из всех ПЭ — Урал, его зовут НАРКА ПЭ (БОЛЬШОЙ КАМЕНЬ). В ненецком же языке нет слов, которые начинались бы с шипящих звуков и “К”. Потому ненцы вместо КАНИН говорят ХАНИН, вместо ШКОЛЫ — СХОЛА или просто ХОЛА. Отсюда и идет вся путаница в гидронимах и топонимике территории. Ненецкое “Х” по произношению похоже на украинское “ХГе”. Отсюда и появляются всякого рода ИХА, ЯГА, ИГА, НГА: ИНДИГА, КАРАТАИХА и т.д.



В гостях у Тыко Вылки

Александр Канюков

Имя Тыко Вылко, бессменного «президента Новой Земли», как его в шутку называли друзья, широко известно в нашей стране. Его своеобразные картины украшают стены многих музеев, его умные сказки и песни пользуются большой известностью в народе, его имя всегда произносится с особенной признательностью.

Об Илье Константиновиче много написано воспоминаний, биографических очерков, статей в газетах и журналах, стихотворений, часто печатались его произведения. Мне же хочется просто рассказать об одной встрече с Тыко Вылко, которая произошла в 1959 году в Архангельске.

Мы с Алексеем Пичковым прослышали, что Илья Константинович живет где-то на Вологодской улице. И больше мы ничего не знали, даже не знали, каков он на лицо. И удивительно, нам никакого труда не составило найти его дом. Мы спросили у первого встречного:

— Не скажете, где живет Илья Константинович Вылко?

— Вылко, Вылко Не Тыко ли Вылко спрашиваете? Мы утвердительно кивнули.

— Идите дальше. На конце улицы его дом.

А продавщица ларечка «Мороженое» даже удивленно блеснула на нас глазами.

— Так он же тут живет, вон за тем старым домом. — И сообщила дружелюбно: — Он тут часто прогуливается по мостовым и ко мне в ларек заглядывает, только не берет мороженого, говорит: «Я уже много наелся снегу на Новой Земле».

Мы были приятно поражены, что архангелогородцы так хорошо знают Тыко Вылко, который здесь жил всего лишь каких-нибудь два-три года.

В коридоре нас встретил грузный старик, седой, лысый, широколобый. Не спросив, кто мы и зачем пожаловали к нему, сразу же велел раздеться. Уже в кабинете, обвешанном картинами, он стал подробно интересоваться нашей родословной, откуда мы приехали и чем занимаемся.

Когда мы переступили порог этого дома, естественно, волновались и чувствовали себя неуверенно. Здесь, в кабинете, в разговоре с глазу на глаз с Ильей Константиновичем, сразу куда-то улетучилась прежняя скованность.

Узнав, что мы живем и работаем теперь в Нарьян-Маре, он тут же пошутил:

— Ну, вы, оказывается, не простые люди, из ненецкой столицы приехали.

О Нарьян-Маре он расспрашивал подробно, с каким-то особым интересом. Как нам показалось, ему очень приятно было то, что, наконец-то, и на ненецкой земле вырос город.

— Вот ведь как хорошо, — повторял он — не избушка, а город целый… Ну и ну. Раньше, бывало, избушку новую кто поставит на пустом месте, и тому радуешься, а тут — город.

Хотя в доме не было ни жены, ни дочери, Илья Константинович как-то незаметно для нас сумел вскипятить самовар, и теперь наша беседа за чашкой чая потекла еще непринужденней. Рядом с этим человеком мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Собеседник он был любознательный, умный, много повидавший и знающий. Хотя он тогда был уже очень больной, но держался бодро, не жаловался на свои недуги. Особо запомнились его глаза: они были поразительно молодые и столько в них таилось доброго лукавства и смешинок.

Мы часто поглядывали на стены. Илья Константинович заметил это, подошел к одной из картин, где было изображено море, скалистый берег и человек в шляпе, в длинных бахилах перед фотоаппаратом на треноге.

— Много картин я написал о Русанове, вот хочу еще одну написать. Вот мы тут ходили с Владимиром Александровичем. Он снимал побережье Маточкиного шара, а я помогал ему, водил его то туда, то сюда. Мне много еще хочется сказать людям о Русанове. Такого человека редко найти можно. У нас с ним было две головы, а сердце одно.

В то время невольно вспомнились слова В.А. Русанова, сказанные им о славном друге-ненце: «Он читает книгу природы… так же, как мы с вами читаем книги и газеты; в эскпедициях он незаменим как помощник и проводник; «это живая карта Новой Земли». Человек он смелый, отважный, решительный — отважный охотник, бьет гуся пулей на лету».

В комнате Вылко были краски, незаконченные этюды.

Старый художник продолжал упорно работать.

— Вы, значит, на Канине родились? — вспомнив о чем-то, переспросил нас Илья Константинович. — Мне не пришлось там бывать, а сказку вот о канинских людях знаю. Слушать будете, расскажу.

И он рассказал лукавую сказку о молодом пастухе, который не захотел жениться на своей земле, а сел на льдину и унесло его в Страну белых людей. Там он встретился с белой девушкой и женился на ней. А потом, когда ему наскучило жить в Стране белых людей, герой снова сел на льдину и поплыл на Канин. В конце концов он снова вернулся к белой женщине и, забрав ее, на льдине же привез на свою землю.

— Может, и сейчас живы ненец и белая женщина? Может, знаете их? — закончил Вылко свой сказ, взглянул на нас и засмеялся.

…Нам еще и еще хотелось слушать Илью Константиновича, уходить не хотелось, но надо было знать совесть: мы не имели права утомлять этого больного, но такого жизнерадостного мудрого старика — Тыко Вылко, художника, писателя, сказочника, исследователя и общественного деятеля.

Рассказ маленького Яхо

Кристина Фролова, 6 кл. школа №2

Далеко на севере, вблизи Белого моря, раскинулась белоснежная земля — тундра, погружённая чуть ли не круглый год в холодные сумерки. Зима здесь длинная, а лето короткое. Земля ненадолго покрывается седыми мхами, а затем опять её заносит снегом.

Мало тут зелени и цветов, но люди, живущие здесь, любят свою родину, своё суровое море, любят и ценят всякую жизнь. Немногочисленные цветы радуют народ так, как радует роскошная растительность жителей юга. Когда наступает весна и солнце ласково пригревает землю, на свет появляются первые оленята. А летом, когда оленята подрастают, жители устраивают праздник — День Оленевода.

Быстро пролетает весёлое лето, море становится ещё холоднее, оно тяжело колышется под напором ледяного ветра. Солнце уже не проглядывает сквозь серые тучи, над тундрой вновь ползут тяжёлые туманы. Всё приумолкло. Наступает долгая, томительная зима.

Всё так и было раньше… много лет назад, когда мой прадед рыбачил в море и пас оленей, а прабабушка следила за очагом в чуме, шила малицы и пимы.

И вот на нашу землю приехала техника, тяжёлые гусеничные тракторы. Появились «чужие» люди. Они говорили, что приехали добывать нефть, что в будущем наша жизнь будет лучше. С наступлением лета жизнь «чужих» в тундре оживала. Вся тундра была покрыта следами от гусеничных тракторов. Оленей приходилось далеко уводить от стойбища, искать места для выпаса, сложно было найти место, где бы не прошла техника.

Земля очень долго восстанавливается после того, как проедут по тундре вездеходы. А ещё по всей тундре установили буровые вышки. Папа говорил, что раньше и птиц и рыбы было больше. А сейчас жителям нельзя без разрешения ловить рыбу, так как её стало мало. А что творится в море? Нефть, которую стали добывать люди, надо вывозить. Вывозят её на больших танкерах. Иногда бывают аварии — нефть выливается в море. И тогда происходит самое страшное, всё живое в море гибнет. Представьте: бедные тюлени и нерпы, эти прекрасные существа, спасаясь на белой льдинке, как бы просят помощи у нас, у людей. Они просят нас быть осторожными, не губить нашу уникальную северную природу. И если не остановить бесхозяйственное использование земли, то всё живое погибнет. В мире и так слишком много страданий, а, причиняя зло хотя бы самому незначительному существу, человек увеличивает общее зло. А назначение человека совсем не такое.

Если беречь природу, то она одарит нас добротой и богатством. Летом можно будет ловить рыбу и собирать морошку. А по осени поспевают брусника и другие полезные ягоды. И опять наступит зима, и снова ударят морозы. Мы будем радоваться морозной зиме, катанию на санках и лыжах.

Только об одном прошу я, маленький житель земли ненецкой, Яхо:

— Люди, будьте разумны, берегите нашу природу!

Я полон надежд на лучшее будущее, будущее своего народа. Я хочу скорее вырасти, чтобы приносить пользу своей земле…

п. Бугрино

Валентина Чибичик

Фото А.А. Ледкова

Валентина — родом из поселка Бугрино. Окончила ОНШИ им. А.П. Пырерки в Нарьян-Маре, учится на втором курсе в институте народов Севера в Санкт-Петербурге. Юная поэтесса и журналист, воспитанница литературной группы «Суюкоця» Этно-культурного центра.

ИЮНЬ

Июнь в Бугрино
не такой как везде:
нет сладких плодов
и грачей на гнезде.
Не ходят там кони
большим табуном.
И жаркое солнце
не светит в окно.
Приходит июнь, —
льдами дышит вода.
И летом порой
все стоят холода.
Мой остров суров,
но люблю всей душой
те чудные дни,
что мне дарят покой!

Родиола розовая — золотой корень

Родиола розовая (золотой корень) — удивительное растение арктической тундры. Мерзлота, каменные скалы — не мешают родиоле розовой расти и цвести. Удивительную жизнестойкость она передает всем: северные олени любят есть полярную «капусту» — ее сочные листья, а для людей корень родиолы — ценное лекарство от множества болезней.

В районе Нарьян-Мара зролотой корень можно разводить на огородных грядках.

Очиток заячья капуста — близкий родственник золотого корня, из того же семейства толстянковых. Изредка встречается в диком виде вблизи озер и проток Печоры. Прекрасно окультуривается — растет в наших огородах. Тут он и выше и цветет пышнее.

А у писательницы Елизаветы Выучейской, автора повести «Ягоды можжевельника» и романа «Снегурка», заячья капуста прижилась в цветочном горшке на окне.

Очиток — лекарственное растение. Это прекрасный биостимулятор, отвары из его стебля и листьев укрепляют иммунитет.

Очиток заячья капуста

Отдел ненецкой культуры

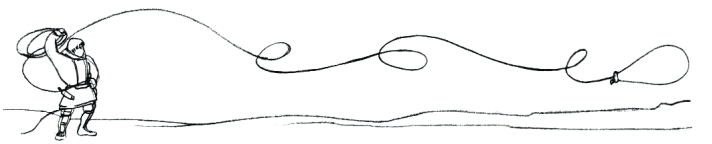
Сохранение и возрождение культуры народов, проживающих в округе, координирует окружное государственное учреждение «Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа».

Там есть и отдел ненецкой культуры. Его основная задача — сохранение народных традиций. У него тесная связь с национальными поселками — Нельмин-Нос, Красное, Индига, Бугрино, Усть-Кара и др.

При отделе работает клуб старейшин ненецкой культуры «Теневана» («Знающие»). На основе их воспоминаний написаны сценарии мероприятий Праздник первого оленёнка, День Ворона, Солнце Нового года, День оленя, которые проводятся каждый год.

На конкурс ненецкой песни «Сава сё» («Дивная мелодия») съезжаются участники из деревень и сел округа. Только на этом конкурсе можно услышать старинные родовые, эпические и современные авторские песни. В конце 2007 года состоится очередной конкурс «Сава сё».

В ненецком отделе есть коллекция одежды, головных уборов, макет чума с аргишом, изделия из меха, кости, рога оленя, — все создано руками наших мастеров.

«Альбом ненецкой одежды», «Использование рога при изготовлении сувениров» и другие сборники, созданные сотрудниками отдела и мастерами, стали большим подспорьем педагогам, учащимся и всем, кто интересуется ненецкой культурой.

Нина Евсеевна Латышева со своей внучкой Ульяной Латышевой на встрече ненецких родов.